

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕСВИЖСКОМ «КАТЕХИЗИСЕ» 1562 Г. СИМОНА БУДНОГО

И. П. Климов,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской
и зарубежной филологии учреждения образования «Белорусский
государственный университет культуры и искусств»*

Аннотация. По сложившейся в XVI в. традиции неперенным атрибутом катехизиса были вопросы, на которые автор давал ответы. В статье рассмотрены виды вопросов, которые встречаются в старобелорусском «Катехизисе» Симона Будного (Несвиж, 1562). В соответствии с современной теорией коммуникации выделены различные виды вопросов, которые в той или иной степени представлены в данном печатном памятнике письменности. Хотя С. Будный преимущественно использовал стереотипные вопросы, он нередко нагружал их также дополнительной информацией, формулируя в них проблему или исходные посылы для дальнейшего ответа.

Ключевые слова: коммуникация, вопрос, структура вопросительного предложения, катехизис, старобелорусский язык.

THE QUESTIONAL CONSTRUCTIONS IN NIASVIZH «CATECHISM» BY SYMON BUDNY FROM 1562

I. Klimov,

*PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Philology of the Educational Institution
«The Belarusian State University of Culture and Arts»*

Abstract. According to the prevailing in the 16th century traditions, an indispensable attribute of a catechism were questions answered by the author. The article discusses the types of questions that are found in the Old Belarusian «Catechism» of Symon Budny (Niasvizh, 1562). In accordance with the modern stage of communication theory, the author identifies various types of issues that are presented to one degree or another in this printed piece of writing. Although S. Budny primarily used mainly stereotypical questions, he often loaded them with additional information, formulating a problem or initial messages for a further answer.

Keywords: communication, question, interrogative sentence structure, catechism, Old Belarusian language.

Первым восточнославянским и белорусским катехизисом стало печатное произведение (Несвиж, 1562), написанное протестантом Симоном Будным на старобелорусском языке со значительной примесью церковнославянского, преимущественно за счет цитат из Библии и некоторых церковных трудов. Несвижский «Катехизис» (далее – НК) поделен на 4 неравные части, а также имеет предисловия и дедикацию (посвящение).

Далее в статье цитирование печатного памятника осуществляется курсивом по фотокопии оригинала, но в упрощенной графике – средствами современного алфавита с добавлением одной церковнославянской буквы ѣ. Каждая цитата паспортизируется путем указания листа издания согласно нумерации его издателями (они использовали фолиацию).

В НК встречаются различные (с точки зрения логики) виды вопросов, что обусловлено разными задачами автора в изложении материала и его размещении в книге.

В памятнике мало закрытых вопросов (которые требуют ответа «да» или «нет»), поскольку задача автора состояла в том, чтобы дать развернутые и подробные ответы. Тем не менее С. Будный такие вопросы все же использует, например: *Годить ли ся человекѹ хрїстаньскому присягати, чили не* (л. 20об), *Годить ли ся Хѣнину быти на вряду?* (л. 55), *Грѣхъ ли естъ убити...* (л. 77), но дает на них достаточно длинные ответы, не ограничиваясь краткой констатацией. Очевидно, что автор не связывал себя формальными ограничениями и форму вопроса рассматривал как простую условность.

Немного в «Катехизисе» и общих вопросов. Они встречаются ближе к началу частей, на которые С. Будный разделил свое произведение, поскольку именно в начале естественно выяснять некоторые элементарные и исходные понятия и термины. Общие вопросы в таком случае кратки и имеют столь же краткие ответы. Но С. Будный этим не довольствовался, а нередко развивал краткий ответ различными деталями вроде синонимов или перечней, например: *Колько ест заповѣдей божїихъ – Десять, и для того е зовуть десятословіемъ, по грѣчески декалогосъ* (л. 2); *Колько ест способовъ вѣры – Двой ест способъ вѣры. Первый естъ...* (л. 106об); *Што естъ молитва – Молитва есмь промба къ бѣу, или призыванье бѣа* (л. 165об). Интересно, что «Катехизис» открывается серией из 6 коротких общих вопросов, которые имеют столь же лаконичные ответы. Однако это вряд ли было чертой стиля С. Будного. Видимо, из этих источников (которые тогда, вероятно, находились в рукописи) и была заимствована им серия вопросов в качестве вступления в первую часть своего произведения.

Иногда встречаются и сложные вопросы, например: *Што повинни родители детѣмъ або врядники подданымъ своимъ?* (л. 60об) – далее С. Будный в своем ответе дает описание обязанностей родителей в отношении их детей, а затем обязанностей и властителей в отношении

их подданных, безусловно, с целью создать аналогию между этими обязанностями (*ω^тцевъ або панов, и дѣти, або по^дданы** (л. 69)).

Основная масса вопросов в НК являются детализующими (специальными) и открытыми (дополняющими), которые требуют сообщения дополнительной информации. Они вводятся с помощью вопросительных местоимений *што (чего, чимъ), яко, который (которые)* и реже вопросительных конструкций *для чого, на колько: Чого потреба* (л. 4об); *Яко маю то разумети* (л. 4об; 10; 17); *Которые соуть дѣла* (л. 6; 17; 18); *Што Богъ обѣцуетъ* (л. 9; 15об); *Чого намъ Богъ заказуетъ* (л. 14об); *Яко Богъ караетъ* (л. 15; 35об; 69); *Яко маемъ Бога възывати?* (л. 17об); *Што Богъ обецалъ* (л. 36об) и т. д.

Как особенность НК можно отметить определенный параллелизм или повторяемость ряда вопросов (и вопросительных слов) в соседних фразах. Это связано со стереотипностью предмета речи в некоторых местах текста. Так, в первой части «Катехизиса», посвященной рассмотрению декалога (который в композиционном отношении сам является перечнем), много раз используются одинаковые или похожие вопросы, посвященные определенному кругу тем:

а) о видах добрых дел: *Которые суть добрые дѣла того приказанья...* (л. 17); *Которые суть добриє дѣла того четвертого слова* (л. 46об); *Которие суть добрыє дѣла того шостого слова* (л. 75об); *Которие суть дѣла добриа сего слова?* (л. 83об); *Которие суть добриє дѣла того слова?* (л. 90об); *Которие суть добриє дѣла того слова?* (л. 97об);

б) о видах грехов или дурных дел: *Которые соуть дѣла противу тому приказанью...* (л. 6); *Которые суть грѣхи противу того слова?* (л. 47об); *Которые суть грѣхи противу шостого слова?* (л. 76об); *Которие суть грѣхи противу сему слову?* (л. 84); *Которие суть грѣхи противу тому слову?* (л. 88об); *Которие суть злыє дѣла того слова?* (л. 97об);

в) о видах человеческих обязанностей: *Што повинни родители детѣмъ...* (л. 60об); *Подданные опять што Господаромъ своимъ должны?* (л. 67);

г) о видах божьих наказаний: *...яко богъ караетъ кто грѣшитъ на противъ первому слову* (л. 8об); *яко богъ караетъ тых они же бы тую заповѣдь проступали* (л. 15); *яко Бѣжъ оных караетъ, которие на противъ тоє заповѣди чинять* (л. 35об); *яко Богъ караетъ тых которые того слова четвертого непослушни* (л. 48об); *яко Богъ караетъ проступники сего пятого слова...* (л. 69); *яко богъ караетъ они же непослушни сего шостого слова?* (л. 81); *яко бѣжъ оных караетъ, которіи противу тому слову чинять?* (л. 95об);

д) о видах божьих обещаний или воздаяний: *Што Богъ обѣцуетъ тѣмъ который тоє є заповѣди встерегають* (л. 9); *Што пакъ обецуетъ Богъ тымъ они же бы ся образомъ не кланѣли* (л. 15об); *Што Богъ обецалъ тымъ, которые бы имени его з вѣрю а потреб не призывали* (л. 36об); *Што будетъ онымъ, который тую заповѣдь полнять?* (л. 49);

Што тымъ будеть, они же тому пятому слову послушни? (л. 72); *Што онымъ будеть, которіи того шостого слова стерегутъ?* (л. 82); *Што тымъ будеть, они же сеє слово полънять?* (л. 87); *Што онымъ богъ обещалъ, которіи послушнїи сего осмого слова?* (л. 95).

Как видно, С. Будный в своих вопросах широко использует стереотипные конструкции и лексику, не стремясь их сильно разнообразить или варьировать. Этого требовал материал: многочисленные перечисления одинаковых свойств, качеств, состояний отличались всего лишь одним-двумя референтами, поэтому автор, по-видимому, не считал нужным в таких случаях обращаться к синонимизации и делать свое изложение более разнообразным. Подобные наборы стереотипных конструкций свидетельствует об определенном формализме работы С. Будного, напоминая скорее ученый трактат, чем дидактический учебник.

К особенностям НК можно отнести вопросительные конструкции с ментальным глаголом *розумети* вида *яко (маю) розумети (яко розумеишь* и т. п.), которые отсылают к предшествующему ответу (либо формулируют проблему непосредственно в самом вопросе, см. л. 4об, 10) и фактически ставятся ради его дельнейшего развития в следующем ответе: *Како ся вторая прозба розумѣть* (л. 185).

Встречаются в НК и специфические «разорванные» вопросы, когда второй вопрос семантически и даже синтаксически не самостоятелен, а продолжает предшествующий вопрос. Так, вопрос *Грѣх ли естъ убити розбойника або иного которого злочинцу?* (л. 77) находит продолжение в следующем вопросе: *Ино хотя бы розбойникъ билъ не отниматися ему?* (л. 77об). Из этого можно сделать вывод, что репертуар вопросов был составлен заранее, до написания ответов. Правда, нельзя исключать, что во время такого написания вопросы могли изменяться (например, переформулироваться) и даже пополняться новыми.

Другая выразительная стилистическая особенность НК – «усложненные» вопросы. В этом случае С. Будный не использует общеизвестные знания, а вводит их (формулирует проблему) в самом вопросе и только после того (или наоборот, перед началом такого «усложнения») ставит прямой вопрос относительно этих знаний (проблемы).

Так, в некоторых случаях вопросу предшествует главное предложение: *Еще некоторыи говорятъ, яко Лука Евангелистъ былъ иконописецъ, иже бы иконы пречистой бѣородицы писалъ?* (л. 13об), или чаще придаточное предложение: *Если ся годить присягати хрїстианину, для чого...* (л. 21); аналогично *Если..., чого для* (л. 52); *Если же ..., што маеть...* (л. 54) и т. д.

Ряд вопросов начинаются целой вводной историей – описанием проблемы или ситуации, к которой и ставится вопрос (л. 10об; 41об; 43–43об; 45об–46; 192об; 230об), либо вопрос оканчивается таким описанием: *Што на тоє ω^ткажешъ, што некоторїи говорятъ, якобы...* (л. 12об); *Еще некоторый говорятъ, яко...* (л. 13об); *Што ω томъ ро-*

зумѣешь, естли бы кто... (л. 25об); *Чимъ того доведешь, абы...* (л. 42об); *Што чинити маеть... , есть ли бы...* (л. 58об); *А на оныя слова што речешъ* (л. 175об) и т. д. (также см. л. 79об–79; 98об). Изредка автор синонимизирует или варьирует свой вопрос: *Што онымъ будеть, которіи того шостого слова стережуть? То есть, которіи не забиваютъ, але милосердие...* (л. 82).

Вероятно, подобные «усложненные» вопросы (с постановкой или описанием проблемы) возникли уже во время подготовки ответа на заранее сформулированные вопросы, которые первоначально были несложными по содержанию. Но логика изложения, а то и полемики требовала от С. Будного детализации или углубления проблемы, что вело к созданию определенной семантической базы для дальнейшего ответа уже в самом вопросе. Поэтому автору НК пришлось «усложнять» вопрос придаточными, а то и несколькими самостоятельными предложениями.

Нередко в НК появляются и косвенные вопросы, хотя структурно они не особо разнообразны. Так, немало вопросов задается с помощью императива глагола: *Скажи ми чого...* (л. 5об); *Скажи, яко богъ карать...* (л. 8об); *Скажи доводней, абыхъ розумѣль причину* (л. 37об); *Скажи ми естли...* (л. 38об); *...але ми еще скажи, кого* (л. 50); *скажи ми кто тайны уставилъ* (л. 219) и т. д. Иногда в функции вопроса выступает императивное предложение: *Говори первую заповѣдь* (л. 4); *Говори вторую заповѣдь* (л. 9об) или *слово* (см. также л. 16об; 37об; 49об; 74об; 82об; 88; 97).

Как видно, вопросы в НК ставятся не только исходя из знаний читателя и его компетенции, сформированной предшествующими ответами. Иногда С. Будный создает необходимую компетенцию прямо в самом вопросе, описывая в нем ту или иную проблему (ситуацию), по которой далее будет даваться ответ. Это приводит к созданию «усложненных» вопросов, которые помогали С. Будному готовить свой ответ, однако навряд ли облегчали читателю (слушателю) воспринимать аргументацию автора. С. Будный также широко пользовался стереотипными вопросами, поскольку в качестве ответа на них использовались перечни и списки. Наконец, спорадически в установленный порядок вопросов и ответов происходило вмешательство, и тогда в тексте НК появлялись относительно большие вставки, лишённые разбивки на вопросы и ответы – они представляют собой (микро)трактаты.

Все это свидетельствует об определенном субъективизме и схоластичности С. Будного в процессе создания НК. Его мало интересовали дидактические аспекты (доходчивость, ясность, простота) и гораздо больше им управляло стремление проявить эрудицию. В результате «Катехизис» С. Будного напоминает скорее теологический труд, адресованный очень подготовленному и компетентному читателю (прежде всего церковнику), чем ясный и доступный учебник из области катехетики для профанов и невежд.